

начинаться с равного доступа к опубликованным советским источникам³⁸ и включать широкую совместную полевую работу американских и советских исследователей по совместно разработанным программам. Это единственное решение стоящих перед нами проблем; пока оно не достигнуто, обе стороны будут только наблюдать тени друг друга, как люди в пещере Платона.

³⁸ Хотя здесь и не место подробно рассказывать о трудностях в поисках источников (особенно опубликованных 30—40 лет назад и более), мы хотели бы отметить, что при существующих условиях даже просто определить, имеются ли источники, цитированные, например, у Ю. В. Арутюняна (Указ. соч.) за пределами Советского Союза, представляет задачу огромной трудности, иногда неразрешимую. То же относится в еще большей степени ко многим работам, приведенным в книге «Народы Европейской части СССР». Нам представляется, что минимальным условием профессиональной и объективной научной работы является какая-то возможность быть уверенным, что та или иная тема в достаточной мере освещена в литературе.

Ст. П. Данн, Э. Данн

ОТВЕТ Ст. П. и Э. ДАННАМ

Мы с интересом ознакомились с ответом Ст. П. и Э. Даннов на наш отзыв об их книге «Крестьянство Центральной России»¹. Бесспорно, обмен мнений по ряду важных и методически трудных вопросов изучения современного быта чрезвычайно плодотворен: Вот почему мы так живо реагировали на книгу Ст. П. и Э. Даннов². Она, несомненно, должна была привлечь внимание американского читателя, и не только как учебное пособие (на чем особенно настаивают авторы), но и как работа, в которой сделана попытка некоторых теоретических обобщений относительно путей развития русского крестьянства. Об этом, кстати, говорит и автор предисловия к названной книге А. Вукинич. В своей рецензии мы и старались обратить особое внимание на эту сторону работы, ибо именно здесь заложены основные расхождения между нами и Ст. П. и Э. Даннами. Отметим лишь, что в качестве учебного пособия, на наш взгляд, книга Ст. П. и Э. Даннов страдает неравномерностью освещения поставленных вопросов, недостаточной тщательностью в подборе излагаемых фактов и излишней полемичностью.

Основные разногласия между нами и Ст. П. и Э. Даннами, как мы понимаем, проистекают из различия в идеологическом и методологическом подходе к явлениям и фактам. Как уже отмечалось в нашей рецензии (стр. 165), Ст. П. и Э. Данн используют работы советских ученых, написанные с позиций исторического материализма, лишь в качестве источника фактического материала, отбирая лишь те факты, которые соответствуют их идеологическим установкам, что и приводит к одностороннему освещению некоторых сторон жизни советского крестьянства.

Ст. П. и Э. Данн придают серьезное значение замечаниям, высказанным не только нами, но (как отметили сами Данн) и американскими рецензентами их книги, о том, что непропорционально распространять наблюдения, сделанные в одном районе, на более широкую территорию. В условиях России (и даже лишь центральной ее части) со свойственным ей разнообразием географических и экономических особенностей, с ее сложной социальной и этнической историей, такой подход чреват крупными ошибками. В их же книге речь идет о северной деревне Гадыши, расположенной в весьма специфическом районе. Даже сам М. Я. Феноменов отмечал, что эта деревня резко отличалась по условиям хозяйства и быта от русской деревни центральной полосы России³.

В Гадышах основу экономики крестьянской семьи (в значительной мере уже капитализированной) составляли промыслы, а не сельское хозяйство как таковое. И поэтому это последнее (система земледелия, животноводство, сельскохозяйственный инвентарь и т. п.) было крайне рутинно и сильно отставало от сельского хозяйства большей части районов Центральной России. Вот почему механический перенос явлений, характерных для Гадышей, на другие области центральной полосы России непропорционален. А между тем, Ст. П. и Э. Данн сосредотачивают свое внимание на отсталых формах сельского хозяйства и быта в Гадышах, находят им аналогии в других районах России, для которых эти явления в целом уже не характерны, и в результате примитивизируют картину жизни современной русской деревни, в чем мы и упрекали авторов в своей рецензии. Мы отнюдь не отрицаем возможности экстраполяции как приема исследова-

¹ S. P. Dunn and E. Dunn, *The peasants of Central Russia*, New York, Chicago, San Francisco, Toronto, London, 1967.

² См. нашу рецензию: «Русское крестьянство в освещении американских этнографов», «Сов. этнография», 1969, № 1.

³ Укажем, что в 1968—1969 гг. в селении Гадыши проводилось этно-социологическое исследование, результаты которого будут опубликованы в одном из ближайших номеров нашего журнала.

ния, но она возможна лишь при строгом учете всей совокупности обстоятельств и особенностей развития сопоставляемых районов.

В связи с этим встает вопрос и об отборе фактов и об их интерпретации. Бесспорно, исследователь, исходя из поставленных им задач, может использовать фактический материал, содержащийся в работах тех или иных авторов, но при этом он не вправе упускать из виду целостной картины взаимосвязанных явлений, иначе трактовка фактического материала может привести и приводить к неверным выводам. Ошибка Ст. и Э. Даннов, как мы видим на примере обсуждаемой книги, на наш взгляд, состоит не в том, что они, используя работы советских этнографов, отбрасывают нашу, как они называют «доктрину», а в том, что они слишком произвольно обращаются с самим фактическим материалом. Ст. и Э. Данны объединяют факты, разные по своей «географии», по происхождению и удельному весу в народной жизни. Не принимая в расчет изменений функций тех или иных явлений, американские авторы теряют возможность объективно судить о происходящих в русской деревне процессах, и тем самым дают право упрекнуть их в тенденциозности. В своей рецензии мы указывали на ряд сделанных ими неправомерных сопоставлений различных явлений и фактов. Напомним лишь тот пример, который Ст. и Э. Данны приводят в своем ответе на нашу рецензию, т. е. их указания на то, что современный свадебный обряд очень близок «по крайней мере внешне к традиционному типу XVIII—XIX вв.». Заключение это по меньшей мере неудачно. Оно не дает возможности понять всей сложности процесса, т. е. тех действительных изменений, которые претерпел обряд (изменение и переосмысление ряда функций, упрощение обряда или обогащение его новыми деталями и т. п.). Но для Ст. и Э. Даннов, видимо, важнее подчеркнуть консервативность обряда, как одно из проявлений застойности крестьянского быта⁴.

Ст. и Э. Данны поднимают весьма важный и принципиальный вопрос о типичности и ее критериях. Под этим они подразумевают отбор представительных объектов исследования, какими могут быть тот или другой район, селение, колхоз, семья. Как уже неоднократно отмечалось, советские этнографы, занимаясь современностью, при выборе объекта прежде всего руководствуются задачами этнографического исследования, проводимого в двух главных аспектах: во-первых, изучаются современные этнические процессы и, во-вторых, пути преобразования культуры и быта народов СССР в условиях социалистической действительности⁵. Оба эти аспекта взаимосвязаны, ибо исследование современных этнических процессов во всей конкретности их проявления возможно лишь при учете социально-бытовых преобразований. Этнографы, таким образом, изучая определенную социальную группу (тот или иной сельский или городской коллектив) или население определенной территории (области, района), всегда рассматривает их культуру и быт, как часть культуры народа в целом. Именно этим и определяется профиль проводимых этнографами исследований и выбор ими объектов.

Изучение культурно-бытовых явлений при этом проводится в историческом аспекте, т. е. с учетом того, как складывались и развивались формы быта на определенных этапах общественного развития. Это выдвигает в качестве одной из важнейших проблем выявление исторических корней современного быта, культурного наследия народов и их традиций. Вот почему выбор этнографами того или иного района, области, края всегда проводится с учетом особенностей их исторического прошлого, в том числе истории формирования этнического состава населения, этнографической характеристики данного района, а также с точки зрения современного состояния его экономики и культуры. Учет всего этого дает возможность избежать случайного выбора и остановиться на достаточно представительном объекте для длительных стационарных исследований.

Помимо проработки соответствующей литературы (этнографической, исторической, экономической и т. д.) этнографы проводят рекогносцировочные поездки по предварительно намеченному району, знакомясь на месте с разносторонним статистическим материалом, выявляя удельный вес общественного хозяйства того или иного колхоза в экономике всего района, уровень общественной и культурной жизни его населения, этнокультурные традиции. При этом становится ясно, какие объекты могут рассматриваться как типичные, характерные (естественно, для определенного района), а какие должны быть отмечены как единичные, развивающиеся в специфических условиях.

Отметим, что в общей форме все эти соображения высказаны в предисловиях к монографиям советских этнографов, посвященных изучению современного села.

Именно так подходили к выбору объектов изучения и авторы монографий «Село Вирятино в прошлом и настоящем» и «Культура и быт колхозников Калининской области». Конечно, здесь не место отвечать на замечания наших отечественных рецензентов, касающиеся проблем типичности и выбора колхозов, селений, районов, их соответствия необходимым условиям. Но поскольку об этом упоминают Ст. П. и Э. Данны

⁴ Кстати, хотим разъяснить возникшее у наших коллег недоумение. Слово «золотить» в русском свадебном обряде означает одаривать (в том числе и деньгами), а не обсыпать молодых монетами, как это имеет место у некоторых других народов.

⁵ См., например, В. Ю. Крупянская, Л. П. Потапов, Л. Н. Герентьева, Основные проблемы этнографического изучения народов СССР, «Сов. этнография», 1961, № 3.

в своем «Ответе» на нашу рецензию, скажем, что критика отражает существующее в советской науке и публицистике различие мнений в подобных вопросах, подход к которым во многом определяется конкретными задачами и спецификой методов и средств изучения, присущих той или иной отрасли науки.

Изучение семьи уже давно ведется этнографами методом сплошного анкетного обследования с применением количественного анализа. Полученный массовый материал позволяет классифицировать семьи в различных направлениях: по их численности и структуре, возрастному и профессиональному составу, материальному уровню и т. д. При этом четко выявляются определенные типы семей, характерные для городской или сельской среды.

Один из упреков, который Даны делают в адрес советских этнографов — это недостаточно строгое (по их мнению) разграничение вопросов социальных и культурных изменений. Насколько нам известно, и в западной этнографии не все исследователи придерживаются этого разграничения, но, учитывая разницу подходов к этой проблеме между нами и нашими американскими оппонентами, мы хотим подчеркнуть, что интересующий их аспект культурных изменений не только присутствует в наших исследованиях, но и составляет одну из их главных сторон. Не случайно все работы советских этнографов базируются на материалах, относящихся к конкретной местности (селу, колхозу, области, краю), и учитывают всю совокупность местных, исторически сложившихся условий. Однако культурные изменения не происходят сами по себе, и могут быть поняты лишь в связи с изучением социальных процессов как часть или одна из сторон этих процессов. Общеизвестно, что социальные изменения всегда несколько опережают те изменения, которые происходят в традиционной культуре народа, его быту, нравах и обычаях. Изучение механизма этих изменений, т. е. влияния развивающихся новых социальных процессов на преобразование традиционных форм быта и является одной из основных задач этнографа. При этом выявляются как прогрессивные формы, так и отсталые (даже архаические) и определяется место тех и других в жизни населения, их соотношение, удельный вес и, наконец, — главное направление всех этих изменений.

Мы подходим к народной культуре как к целостному организму, в котором в сложном переплетении находится и то новое, что определяет его развитие, и застойное, косное, обращенное в прошлое. Поэтому мы возражаем, когда (как часто это делают Даны) явления и формы архаические выдвигаются на первый план и именно в них Даны видят проявление собственно национального быта как в прошлом, так и в условиях современной действительности. В своей рецензии мы указывали на ряд таких допущений: например, на архаизацию Ст. и Э. Данами сельской общины в конце XIX — начале XX вв., на преувеличение значения пережитков старого общинного быта (в которых американские авторы видят эмоциональные устои советской деревни), на отождествление современной колхозной семьи с дореволюционной крестьянской и т. п.

Ответим на некоторые более частные замечания, и прежде всего на те, которые касаются соотношения роли общественного и подсобного хозяйства в жизни колхозной семьи. Ст. и Э. Даны, по нашему мнению, чрезмерно выпячивают этот вопрос, поскольку он связан у них с общей концепцией архаизации семьи.

К жизни современной колхозной семьи (в частности, хозяйственной) они подходят в значительной степени с теми же мерками, что и к дореволюционной семье. А между тем прошедшее в годы Советской власти изменение самой материальной базы семьи в корне преобразило весь семейный строй — главенство в семье, положение женщины, взаимоотношение поколений и, что очень важно, структуру бюджета. Современное личное хозяйство колхозников никак не сопоставимо с дореволюционным крестьянским хозяйством и не обуславливает поддержания старых бытовых порядков, хотя, быть может, их отдельные пережитки подчас и проявляются в жизни деревни.

Что же касается значения личного хозяйства, то необходимо различать здесь две стороны: в экономическом отношении роль личного хозяйства для жизни семьи меняется в зависимости от многих факторов, в социальном же плане — значение его всегда второстепенно. Приводимые Ст. и Э. Данами общие цифры отнюдь не противоречат утверждению о подсобном значении личного хозяйства, о чем, кстати, говорит и Ю. В. Арутюнян, материалами которого пользуются Ст. и Э. Даны, отбрасывая при этом его аргументацию. Ю. В. Арутюнян же как раз подчеркивает, что большая часть (80%) продукции, произведенной в подсобных хозяйствах, потреблялась непосредственно в крестьянской семье, и только 20% ее принимало товарную форму⁶.

Теперь остановимся на замечании о «конкуренции», под которой Ст. и Э. Даны понимают выбор между общественным и личным хозяйством, как сферы применения колхозниками своего труда. Естественно, что ведение личного хозяйства связано с определенными трудностями: оно требует дополнительной затраты колхозниками времени и сил, трудового напряжения всех членов семьи. При этом, как известно, большая часть работ приходится на женщин. Однако американские авторы глубоко заблуждаются, утверждая, что в колхозной деревне существует альтернатива — «работать женщинам в общественном или в личном хозяйстве». Ее просто не может быть в условиях ведения общественного хозяйства.

⁶ Ю. В. Арутюнян, Опыт социологического изучения села, М., 1968, стр. 56.

По вопросу о том, несет ли колхоз политические функции, «является ли он органом политической власти», мы можем повторить лишь сказанное нами ранее. Низовой ячейкой государственной власти на селе является сельский совет депутатов трудящихся. Колхоз — это организация хозяйственная — добровольное объединение людей для совместного ведения общественного хозяйства. Когда колхоз строит больницы, школы, клубы и т. д. (этим аргументируют свою позицию Ст. и Э. Данны), он отнюдь не подменяет своей деятельностью функции государства. Колхоз и в этом случае выступает лишь как хозяйственная и социальная единица, работу же указанных учреждений организует и контролирует само государство через соответствующие каналы.

Скажем еще несколько слов по поводу источников. На ряд вопросов мы уже ответили. Остановимся лишь на возможности использования прессы. Мы понимаем, что перед американскими исследователями стояли определенные трудности в подборе фактического материала, но хотим еще раз подчеркнуть, что пресса — очень специфический источник. Она злободневна, всегда нацелена на решение конкретных задач, отсюда — свойственная ей полемичность, направленность на выявление определенных, в большинстве случаев наиболее ярких фактов, как положительных, так и отрицательных. Использовать этот материал в целях науки, которую интересуют в первую очередь более или менее устойчивые явления, определяющие общие процессы, весьма сложно; необходим строгий отбор фактов, их анализ, выявление их соотношения и т. д. Вряд ли правомерно, как это делают Ст. и Э. Данны, использовать прессу только для освещения негативных сторон жизни. Столь же выразительно пресса отражает и положительные ее стороны. Лишь учет в равной степени того и другого дает возможность судить о действительности во всей ее полноте и конкретности.

Мы, конечно, не исчерпали всех тем, затронутых Ст. и Э. Даннами, и остановились лишь на том, что нам представляется наиболее существенным.

Л. А. Анохина, В. Ю. Крупянская, М. Н. Шмелева